

Он замер и, повернув голову, увидел, что на его плече лежит чья-то рука. Обладательница этой руки, казалось, нервничала и бессознательно сжала пальцы, причинив ему боль. Он невольно нахмурился, вспомнив, какой выбор в этом эпизоде сделал Цзян Цинъянь.

— Дитя, не торопись. Хотя я и взялся помочь по просьбе твоего деда, ты уже взрослый и имеешь собственное мнение.

Старейшина Шэнь заметил, как он нахмурился, и решил, что тот колеблется. Тогда он прервал свои размышления и попытался успокоить его:

— Ты можешь сначала вернуться и всё обдумать. Дождись, когда у твоего дедушки Цзяна пройдет семь дней после похорон, и тогда скажи мне свой ответ, хорошо?

В исходном сюжете Старейшина Шэнь говорил то же самое, но только после того, как Цзян Цинъянь уже отказался. А причина отказа Цзян Цинъяня была проста — он не мог расстаться с Цзи Синье.

Но сейчас...

— Дедушка! Я не согласна!

Янь перевёл взгляд на говорившую.

Высокая и стройная Шэнь Цзянмянь шагнула под дождём, подошла к ним, помогла согнувшемуся Старейшине Шэню выпрямиться и нахмурила красивые брови:

— Вы взяли с собой недостаточно лекарств. Нельзя шутить со своим здоровьем!

— Я сам знаю, как себя чувствую! — недовольно ответил Старейшина Шэнь.

— Да что вы знаете? Может, мне принести вам зеркало, чтобы вы сами на себя посмотрели?

С самого утра, когда они отправились в крематорий, и до захоронения дедушки Цзяна прошло уже больше половины дня. Молодые ещё ничего, но пожилой Старейшина Шэнь чувствовал себя неважно. За эти несколько дней он устал от хлопот, связанных с похоронами старого боевого товарища, а перед этим плакал в крематории. Из-за сильных эмоциональных перепадов его лицо теперь было бледным, с сероватым оттенком, — очевидно, он был уже на пределе своих сил.

Шэнь Цзянмянь не могла убедить упрямого деда и, недовольная, посмотрела на Шэнь Ланьшу:

— Брат, ты так и будешь смотреть, как дедушка дурит?

Шэнь Ланьшу покосился на задумчивого Цзи Синье, а краем глаза заметил, что на тыльной стороне ладони Цзи Синье, сжимавшей плечо Цзян Циньяня, вздулись вены. Он уже собирался что-то сказать, но тут в разговор вмешался чей-то голос.

— Господин, вам лучше послушать внучку и вернуться домой. Что касается Циньяня, я попробую его уговорить вместо вас.

Это сказала госпожа Цзи.

Шэнь Ланьшу вежливо улыбнулся ей, затем, взглянув на помрачневшего деда, немного подумал и произнёс:

— Давайте так, дедушка. Вы сначала поезжайте с Мяньмянь в Киото, не заставляйте волноваться папу, маму и дядей. Я останусь здесь, этого достаточно.

Старейшина Шэнь посчитал, что это тоже неплохой вариант. Он уже открыл рот, чтобы согласиться, но, когда слова были готовы сорваться с языка, вдруг кое о чём вспомнил и сказал:

— А как же твоя работа? Небось, занят. Пусть лучше Мяньмянь останется, заодно воспользуется случаем, возьмёт отпуск и погостит несколько дней в Жунчэне.

С этими словами, смягчив выражение лица, он посмотрел на Яня и ласково продолжил:

— Циньянь, не мог бы ты составить компанию Мяньмянь и показать ей Жунчэн?

Старейшина Шэнь не сказал этого прямо, но его намерение свести их вместе было очевидным.

Впрочем, в сюжете Цзян Циньянь этого не понял. С одной стороны, он только что потерял деда и ему было не до того, с другой — в его сердце был только Цзи Синье.

Но если Цзян Циньянь не придавал этому значения, то что насчёт распутного Цзи Синье?

Согласно описанию сюжета, каждый раз, когда Цзян Циньянь выходил на встречу с Шэнь Цзянмянь, Цзи Синье под предлогом того, что волнуется за него одного, увязывался следом. Цзян Циньянь слишком хорошо знал Цзи Синье, чтобы не понимать его настоящих намерений.

Однако сама Шэнь Цзянмянь не была заинтересована ни в ком из них. Она училась в Университете национальной обороны, вся её жизнь была отдана стране, и никаких мыслей о

любовных делах у неё не было. В последний день она под каким-то предлогом выпроводила Цзи Синье, а затем прямо объяснила намерения старика. Старейшине Шэню оставалось недолго жить, и она не хотела идти против его воли и злить деда, поэтому предложила Цзян Циньяню сначала заключить помолвку, чтобы успокоить Старейшину Шэня, а после его смерти разорвать её.

В последние годы Цзян Циньянь видел, как у Цзи Синье одна за другой меняются девушки. А теперь, когда его возлюбленный начал ухаживать за Шэнь Цзянмянь, в нём всколыхнулись какие-то невысказанные чувства, и он, сам не зная зачем, кивнул в знак согласия.

Но Цзян Циньянь слишком дорожил Цзи Синье — настолько, что сразу же пожалел о своём решении. И он признался Цзи Синье в плане фиктивной помолвки. В его признании была доля корысти. Он надеялся, что Цзи Синье будет против, и тогда у него появится повод пойти к Шэнь Цзянмянь и отказаться. Однако Цзи Синье лишь на мгновение опешил, а затем сказал:

— Ты хорошо подумал? Если хорошо подумал — я тебя поддержу!

В конце, словно поняв, что это прозвучало неуместно, он добавил:

— Если в Киото тебе будет несладко, знай, что здесь тебе всегда рады.

Именно этот разговор окончательно дал Цзян Циньяню понять, что Цзи Синье не испытывает к нему ничего, кроме дружеских чувств. Разочарованный, он уехал с Шэнь Цзянмянь в Киото.

Любил он унизительно и жалко.

Янь смотрел на машину, исчезающую в пелене дождя, и, придя в себя, услышал голос Цзи Синье:

— Ну что, нам тоже пора домой.

Цзян Циньянь жил в деревне Жуншу в Новом городском районе. Машина доехала до входа в деревню, но дальше проехать не смогла. В узких проулках с двух сторон стояли навесы-четырёхскатки. Торговцы овощами под ними от нечего делать лузгали семечки и болтали. Изредка какой-нибудь житель, держа зонт и пакет, начинал торговаться. Шумная атмосфера, смешанная с запахом от кучи мусора на перекрёстке, казалась совершенно другим миром по сравнению с роскошной усадьбой на окраине города, но была полна жизни и духа улицы.

Цзи Синье остановил машину, высадил госпожу Цзи и, проехав немного с Янем, о чём-то подумал, сдал назад, высунул голову из окна и крикнул матери, уже усевшейся за маджонг:

— Мам, не торопись играть, дома нет продуктов. Купи чего-нибудь и оставь у брата Ма, я позже заберу. Да, и рыбу не забудь.

Сказав это, он, петляя, нашёл свободное место, припарковался, вышел, достал из багажника инвалидную коляску, обошёл машину, вытащил с заднего сиденья Яня и привычным, естественным движением усадил его в коляску. Затем поправил очки, открыл зонт, встал сзади и, толкая коляску, мягко спросил:

— Устал за день? Проголодался? Давай вернёмся и сварганим рыбу в остром соусе, как тебе?

Янь приподнял бровь.

Был ли Цзи Синье плохим человеком? Вообще-то нет. Он просто был подлецом в любовных делах. И к Цзян Циньяню он относился по-настоящему хорошо, но именно эта забота и позволила замкнутому Цзян Циньяню увязнуть всё глубже и глубже. Однако любить кого-то — твоё личное дело. Никто же не говорил: «раз ты меня любишь, я обязан тебе отвечать взаимностью». Цзи Синье просто не умел соблюдать границы. Зная о чувствах Цзян Циньяня, он всё равно называл его «жёнущкой», стирая грань между «дружбой» и давая Цзян Циньяню надежду снова и снова.

Они забрали у брата Ма продукты, которые купила госпожа Цзи, прошли через крытый рынок, свернули в переулок, где едва могла проехать одна инвалидная коляска, и оказались у входа в пятиэтажный жилой дом, построенный на частные средства.

Весь этот дом принадлежал госпоже Цзи. Жила она на доходы от аренды и в свободное время играла в маджонг с соседями по подъезду. У входа в здание был отгорожен маленький дворик, где стояло несколько электросамокатов квартиросъёмщиков. Цзи Синье открыл калитку, вошёл внутрь, отпер дверь, и вскоре вернулся с зонтом, чтобы завезти Яня внутрь. Он ни словом не обмолвился о том, что сказал Старейшина Шэнь у ворот кладбища. Его спокойное, будничное поведение было до жути неестественным.

— Я пойду во двор разделывать рыбу, поддержишь для меня зонт, хорошо?

Спрашивая, он уже сунул зонт в ладонь Яня.

Это, очевидно, была многолетняя привычка и взаимопонимание между Цзи Синье и Цзян Циньянем. Янь держал зонт над головой Цзи Синье, который присел на корточки у водопроводного крана. Заметив, как ловко и умело тот потрошит рыбу и счищает чешую, Янь немного подумал и заговорил первым:

— Цзи Синье, если я поеду в Киото...

— К чему спешить? У тебя же есть время подумать.

Цзи Синье машинально прервал его, договорив, замер, уставившись на рыбу на разделочной доске. Улыбка на его губах постепенно исчезла. Он сжал губы и, подняв голову, взглянул на

Яня:

— Дед вынужденно поручил тебя заботам того самого дедушки Шэня. Но они столько лет не общались, много ли осталось от их бывшей дружбы?

Когда он говорил это, его лицо казалось серьёзным, но напряжённые мышцы лица выдавали его с головой, а в глазах за стёклами очков таилось едва уловимое волнение.

В сюжете такого не было.

Янь молча размышлял о причине такой перемены, как вдруг тот снова заговорил.

— И потом, ты же не знаешь, что там у дедушки Шэня за обстановка. Выглядит он вроде как важной шишкой, но именно это истораживает. Богатые и знатные — с ними вечно куча проблем.

Цзи Синье изо всех сил старался подавить неприятное чувство в груди, чтобы его лицо выглядело естественным. Но лёгкая хрипотца в голосе уже выдала его волнение с головой. Янь задумчиво посмотрел на его напряжённую челюсть, постучал пальцем по колену и, спустя мгновение, осознал, что что-то не так.

Цзи Синье не хотел, чтобы он уезжал.

Если говорить прямо, то слова, сказанные им прошлой ночью, породили в Цзи Синье чувство тревоги. В отличие от молчаливого, как пробка, Цзян Циньяня, Янь с ходу подбросил Цзи Синье такую бомбу, что тот, проведя в раздумьях ночь и половину дня, успешно завершил свою начальную стадию пробуждения — потерю контроля.

Осознав это, Янь не знал, как ему реагировать. Впрочем, он изначально и не собирался ехать в Киото. В клане Шэнь было много народу, а Шэнь Цзянмянь была единственной девушкой в семье. В сюжете, когда Цзян Циньянь появился там под видом её жениха, двоюродные братья Шэнь Цзянмянь не раз доставляли ему неприятности по-тихому. Но и продолжать эту канитель с Цзи Синье он тоже не хотел. Он же не Цзян Циньянь, у него нет терпения играть в игры вроде «охраны сокровища». Пробудился Цзи Синье или нет — ему было всё равно.

Подумав об этом, он, глядя на лицо Цзи Синье, которое становилось всё более напряжённым, выдержал ещё одну паузу и наконец сказал:

— Хоть ты и говоришь дело, но тот мужчина — внук дедушки Шэня.

Цзи Синье, не шевелясь, смотрел на Яня. Его губы сжались в тонкую линию, будто если он чуть сильнее надавит, она лопнет.

Небо за пределами зонта, где бесшумно шёл дождь, было пасмурным. Тёмно-чёрные тучи нависали так низко, что, казалось, вот-вот рухнут вниз.

Как и мир под зонтом, где они стояли друг напротив друга: тихо и гнетуще. И только когда у входа послышался скрип тормозов электросамоката, Цзи Синье словно очнулся ото сна. Он потерял дар речи, просто закрыл глаза. Когда он открыл их, к нему уже вернулось самообладание. Он снова посмотрел снизу вверх на стоящего перед ним холодного, гордого, молчаливого и бесстрастного юношу.

На невозмутимом лице юноши от этого взгляда на мгновение дрогнули брови, затем он опустил веки, отчего разрез его глаз стал острее. Густые длинные ресницы скрыли зрачки, а падающий сверху свет, коснувшись век, отбросил тень. С того места, где стоял Цзи Синье, если смотреть снизу вверх, было хорошо видно, что спрятанные под ресницами холодные глаза без тени смущения смотрят прямо на него. Взгляд этот был направлен сверху вниз, он был настолько рассудочным, что казался чужим — Цзи Синье стало не по себе и он не решился встречаться с ним глазами.

Он отвернулся, тыльной стороной ладони поправил очки на переносице, опустил голову и продолжил чистить рыбу на разделочной доске, а затем, максимально ровным и мягким голосом, произнёс:

— Что бы ты ни решил, как брат, я тебя поддержу.

Янь усмехнулся уголком губ, на его лице появилась едва заметная улыбка. Он поднял руку и легко похлопал Цзи Синье по плечу, выражая таким образом одобрение его поддержки.

Цзи Синье вымыл рыбу, приготовил три блюда и сварил целую кастрюлю рыбы в остром соусе. Пока он ходил на рынок звать госпожу Цзи обедать, Янь сам подкатил коляску к двери дома Цзян Циньяня. Его дом находился через лестничную площадку от дома Цзи Синье.

Квартира была двухкомнатной. Гостиная была на удивление пустой и убогой, но прибрано было аккуратно, а на балконе стояло много цветочных горшков. Судя по воспоминаниям, гостиную дед специально освободил для того, чтобы Цзян Циньяню было где передвигаться в коляске; а растения на балконе старик раздобыл, прослышав, что зелёные цветы помогают улучшить настроение при душевном нездоровье.

Старания деда были не напрасны, но всё внимание Цзян Циньяня было приковано к Цзи Синье. Он целыми днями терзался из-за него и ни разу не обратил внимания на здоровье деда.

Янь вспомнил одну фразу: «Тот, кого любят, может себе всё позволить». Эти слова можно было отнести и к Цзян Циньяню, которого беззаветно любил дед, и к Цзи Синье, которого беззаветно любил сам Цзян Циньянь.

Он, следуя памяти, толкнул дверь в комнату Цзян Циньяня. Комната была небольшой, но

обставлена очень уютно: небесно-голубые обои дарили ощущение покоя и надёжности, лёгкие белые тюлевые занавески были чистыми и светлыми, на подоконнике висело несколько пышных кустов хлорофитума неизвестной породы, а нежные зелёные лозы и красные цветы вносили нотку весны. Ничего роскошного, но чувствовалась душа.

Янь подкатил коляску к письменному столу. На столе стоял компьютер, а рядом с монитором — фоторамка. Он взял её: на фото Цзи Синье обнимал Цзян Цинъяня за плечи и они вместе фотографировались. Такие же фотографии стояли и на прикроватной тумбочке.

Янь обвёл взглядом комнату: кроме их совместных снимков и одиночных портретов Цзи Синье, не было ни одной фотографии дедушки Цзяна. Он невольно вздохнул про себя — и за дедушку Цзяна, и за Цзян Цинъяня. Он собрал все фотографии и убрал в ящик стола. В душе будто какой-то голос подталкивал его зайти в комнату дедушки Цзяна.

Вспомнив о чувствах, которые, по словам Системы, всё ещё теплились в Цзян Цинъяне, он не стал противиться и подкатил коляску к двери комнаты, оставшейся без хозяина. По сравнению с теплом и заботой в комнате Цзян Цинъяня, комната старика выглядела удручающе пусто и бедно. Одна кровать, один платяной шкаф и длинная скамейка, чтобы вешать одежду. Даже прикроватной тумбочки не было — смотреть на это было горько до слёз. Единственное, что ещё хоть как-то согревало душу, — это семейный портрет на стене у изголовья кровати.

На фотографии, гораздо моложе, чем в памяти Яня, дедушка Цзян неловко улыбался, стоя в обнимку с весело хохочущими молодыми мужчиной и женщиной, а на руках у него сидел малыш в красной распашонке-нагруднике с красной точкой, нарисованной на лбу.

Янь не знал, сколько времени он простоял, глядя на этот семейный портрет. Тяжёлое чувство в груди внезапно отпустило. Он понял, в чём дело, и, приподняв бровь, спросил у Системы:

— Чувства Цзян Цинъяня уже рассеялись?

— Полностью исчезли, — ответила Система.

— Тьфу, — фыркнул Янь. Почему же он, когда дед был жив, не уделял ему больше внимания?

Позже, вечером, Янь ужинал у Цзи Синье. Было ещё не поздно, он вернулся в свою комнату и нашёл сберегательную книжку, оставленную дедушкой Цзяном. Денег на ней уже не было. Когда-то там лежала приличная сумма, которую старик откладывал, экономя на всём, чтобы помочь внуку с первоначальным взносом за квартиру. Но когда дед заболел, Цзян Цинъянь снял все деньги до копейки и потратил на его лечение. Иными словами, у Яня сейчас не было ни гроша. Даже если он не хотел больше иметь дело с Цзи Синье, пока что съехать он не мог.

Ночью, умывшись и почистив зубы, он лёг в кровать, попросил Систему потихоньку восстанавливать его ноги энергией, а сам сосредоточился на том, чтобы разобраться в воспоминаниях Цзян Цинъяня и обдумать свои дальнейшие планы.

У Цзян Цинъяня не было нормальной работы. После окончания университета они с Цзи Синье взяли у родителей понемногу денег и на пару открыли закусочную быстрого питания в деревне Жуншу. Шеф-поваром был Цзи Синье, наняли одну женщину раздавать еду и одну мыть посуду. А так как у Цзян Цинъяня были проблемы с ногами, он работал на кассе и принимал заказы по телефону на доставку.

В окрúге Жуншу жили в основном приезжие рабочие. Были и семейные пары, но одиноких мужчин было больше, так что дела шли неплохо. Только магазин окупил затраты, как дедушка Цзян заболел. Ему поставили диагноз — рак лёгких в последней стадии. Старик не хотел тратить деньги впустую, но Цзян Цинъянь, услышав от врача, что последняя стадия рака лёгких не означает мгновенную смерть, упёрся и настоял на госпитализации. Посоветовавшись с Цзи Синье, они продали закусочную.

Так что сейчас у Яня не только не было ни денег, ни источников дохода, но ещё и висел долг. Этот долг он взял у госпожи Цзи. Когда дедушка Цзян лежал в больнице, ежедневные расходы были не по карману только что окончившему университет молодому человеку. Он продал закусочную и хотел заодно переуступить несколько десятков му земли, которую арендовал дедушка Цзян. Но госпожа Цзи, видя такое дело, сжалилась и сама одолжила ему двести тысяч.

Раз он не планировал ехать в Киото, нужно было найти работу, чтобы прокормиться и выплатить долг. Но больные ноги сильно ограничивали выбор профессии. Сам Янь умел рисовать маслом, но это... как бы сказать? Без имени и репутации твои картины гроша ломаного не стоят, а уж материалы для рисования — это тоже расход. Что касается других навыков... Драться он умеет? А приручать зверей? А массивы? А варить пилюли?..

Вспомнив о пилюлях, Янь внезапно подумал о тех нескольких десятках му, арендованных дедушкой Цзяном. Будучи воплощением Красного Лотоса, Янь от природы обладал сродством с растениями. Вместо того чтобы ломать голову над тем, чем бы ещё заняться, не лучше ли унаследовать этот участок дедушки Цзяна? Из воспоминаний он знал, что дедушка иногда, если не успевал вернуться, оставался там ночевать. Значит, там есть место, где можно отдохнуть.

Если он не хочет продолжать эту карусель с Цзи Синье, переезд туда не будет выглядеть слишком подозрительно. Единственное неудобство — ноги. Но окончательно можно будет решить завтра, после того как он сам съездит и всё посмотрит.

Приняв решение, Янь наконец закрыл глаза и приготовился ко сну. Перед тем как уснуть, он вспомнил о двух прожитых жизнях и о том, что никогда прежде ему не приходилось беспокоиться о деньгах. Он не удержался и мысленно поставил ещё один галочку против Ланьшу.

Тем временем Шэнь Ланьшу, только что уговоривший деда и вышедший из комнаты, неожиданно снова чихнул. Как раз в этот момент сквозняк, непонятно откуда взявшийся, задул под его лёгкую рубашку, покрыв кожу мурашками. Он потёр руки и, озадаченно нахмурившись, задумался: неужели он и вправду простудился?

Шмыгая носом, Шэнь Ланьшу вернулся в комнату, позвонил на ресепшен и попросил принести ему пачку противопростудного порошка.

На следующий день, ближе к полудню, наконец перестал дождь, ливший несколько дней подряд. Когда Янь, Цзи Синье и госпожа Цзи обедали в проходе во дворе, он, глядя на мокрый двор, сказал, что хотел бы съездить на ферму.

Госпожа Цзи, выслушав его, поставила миску на стол. Подняв глаза, похожие на глаза Цзи Синье, она, словно прочитав его мысли, сказала:

— Цинъянь, тётя очень хочет тебя поддержать. Но, во-первых, у тебя нет опыта в земледелии, во-вторых, с твоими ногами...

Тут она запнулась, пропустила эти слова и продолжила:

— Давай так: если не хочешь в Киото, поищи с Асином ещё одно помещение и откройте новую закусочную. Если не хватит денег, я вложусь.

В двух прожитых им ранее жизнях Яню не доводилось встречать старших, которые относились бы к нему по-настоящему тепло. И вдруг столкнувшись с госпожой Цзи, которая заботилась о нём, он почувствовал что-то странное, чего никогда раньше не испытывал, но ощущение было... приятное.

— Тётя Цзи, — Янь тоже отложил палочки, улыбнулся и склонил голову набок. — Я просто хочу взглянуть, заодно забрать вещи, которые дедушка там оставил, одежду и всё такое.

— Тогда я отвезу тебя на машине, — Цзи Синье доел рис из миски, поставил её на стол, встал и пошёл в комнату переодеться.

Госпожа Цзи вздохнула:

— Ты у меня на глазах вырос. В моём сердце ты ничем не отличаешься от моего родного сына. Так что не бойся меня затруднять. Занятие земледелием тебе действительно не подходит. Хорошенько подумай и, если решишься, скажи Асину.

— Хорошо, — кивнул Янь.

— Эх ты! — госпожа Цзи с досадой покачала головой, встала и сказала: — Тогда доедай, а я пошла, договорилась с соседками в маджонг перекинуться.

С этими словами госпожа Цзи ушла к себе. Янь посмотрел на половину риса, оставшуюся в его миске, взял её и собрался доесть, как вдруг в калитку постучали. Он машинально обернулся и

увидел за ажурной металлической дверью незнакомого мужчину.

<http://bllate.org/book/19897/1958725>